

Источник: Крестьянин

Дата выпуска: 22.03.2001

Номер выпуска: 12

Заглавие: Чехов в греческой школе

Автор: Э. Сокольский

"Впечатление унылой пустынности и ненужности"... Безличный город, где "уныло... живут хмурые люди, где жизнь похожа на грустные сумерки"...

И это - о Таганроге! Невольно думается: тогда, в начале века, всем писавшим о родине Чехова казалось признаком хорошего тона закреплять за городом незавидную репутацию. Как же без серой жизни, ионычей и "футлярных людей"...

Однако - если Чехова прочитывать внимательнее? "Город чистенький и красивый, как игрушка, стоял на высоком берегу и уж подергивался вечерним туманом. Золотые главы его церквей, окна и зелень отражали в себе заходившее солнце". Один из лучших чеховских рассказов, "Огни", по всем приметам таганрогский...

Стоит сегодня приехать в Таганрог - и думаешь: как же справедливы эти слова! Все так: город чистенький и красивый. Хоть и не сверкают уж золотом церковные главы, но так же радуют на тенистых нешироких улицах разностильные особняки XIX века; так же вызывают любопытство внутренние дворики, будто подслушаешь там, как некогда, диковинную греческую речь...

Одна из улиц, некогда сплошь заселенная греками, десятилетиями носила имя III Интернационала. Узкая и тенистая, Греческая улица хорошо сохранила свой старинный облик: невысокие дома в стиле "южнорусского классицизма", мраморные солнечные часы, каменная лестница, дом Ипполита Чайковского (брата знаменитого композитора), дворец Александра I... Есть и достопамятность, спрятанная от непосвященных глаз. Найти ее непросто; но с Антоном Павловичем, с его ранним детством она связана поболее, нежели остальные. Это - бывшая церковноприходская школа при церкви Константина и Елены.

Что заставило Павла Егоровича Чехова пойти наперекор жене Евгении Яковлевне и определить в 1868 году сыновей в школу, где обучение велось на новогреческом или, в лучшем случае, на ломаном русском языке? Намерения были серьезные: будущее сыновей он видел на службе в торговых конторах богатых греков.

Хорошо шли дела у этих заморских переселенцев! Содержали итальянскую оперу, симфонический оркестр, церковь свою обустроили по-царски: колонны с золотыми капителями, иконы в драгоценных, стилия рококо, рамах, - да еще императрица Елизавета Павловна, очарованная мелодичным звоном церковного колокола, в 1826 году пожертвовала на иконостас тысячу рублей и позолоченную церковную утварь... Содержали греки и церковноприходскую школу с училищем для будущих хористов - "граждан города греческого происхождения": детей матросов, шкиперов, ремесленников.

"Не люблю я вспоминать о ней. Много испортила она моих детских радостей", - говорил незадолго перед смертью Антон Павлович. Старший же брат, Александр Павлович, на воспоминание отважился. Его рассказ про обучение в греческой школе, действительно, не о радостях...

Тридцатилетний Николай Спиридонович Вучина, не считая его помощника Спиро, был единственным преподавателем в школе. "Невежественный, огромного роста, рыжий грек, неряшливо и грязно одетый", по словам Александра Чехова, "он почти ничего не делал и только дрался и изобретал для учеников наказания".

Такая категоричность, на первый взгляд, кажется преувеличением. Однако никто не оставил свидетельств тому, что Вучина обладал какими-либо иными талантами... Конечно, ученики его боялись. И все же мучителя старались не оставлять без возмездия. Подойдя к открытому окну, из которого доносились вещания Вучины очередным испуганно затихшим воспитанникам, мальчуганы, каждый в меру своих вокальных данных, принимались распевать: "Трекпендос, на паре колес воды не довез" (пендосами русские таганрожцы насмешли-

во прозывали греков). Это было для Антона, пожалуй, поинтересней, чем петь в греческой церкви! - обязанность, вмененная ему отцом, фанатиком хорового пения.

Реакция Вучины была мгновенной. С яростными криками на родном языке выбегал он во двор, размахивая линейкой - увы, уже бесполезной, ибо мстители-проказники успевали разбежаться. Виноватым оставался класс, куда возвращался озлобленный "педагог".

К некоторым ученикам, правда, Вучина относился внимательнее: для того их родители и преподносили ему экзотические фрукты, вино и табак, а то и попросту деньги. Братья Чеховы к таким ученикам не принадлежали...

Итог двухлетнего обучения в школе был плачевен. Пение в церкви с тех пор Антон воспринимал как каторгу, а по-гречески - не смог прочесть и полслова, когда однажды, во время рождественских каникул, отец заставил его похвалиться знаниями перед гостями.

В 1868 году сбылось желание матери: Антон и Николай прервали бесславное обучение на Греческой и поступили в городскую классическую гимназию. С той поры Константино-Еленинская церковь у Чехова вызывала грустные воспоминания... А у других - умиление и восхищение: уж больно хороша! Выстроенная в традициях "русского ампира", обращалась она к улице высокой папертью с треугольным фронтоном, трехъярусной колокольней и служила, пожалуй, главным ее украшением. Дворец Александра I, что стоял чуть дальше, выглядел весьма многозначительно, но официально и суховато... Службы в церкви проходили до 1938 года, пока всех греков-священнослужителей, живших в домиках при церковном дворе среди обширного греческого кладбища, не арестовали. Осенью того же года принялись за уничтожение церкви. Окончательно ее разобрали после войны.

... В один из теплых дней бабьего лета я бродил по Таганрогу. Вот и Греческая, 54. Заглянул во двор. Вот она, справа, гладкая кирпичная стена бывшей школы. За углом уж сплошь громоздятся безвкусные пристройки. Новые владельцы словно стремились каждый на свой лад вытравить и дух этого старинного пристанища, неузнаваемо изменяя его облик.

Что ж, простим их: Чехов все равно не любил вспоминать эту школу...